

РУССКИЙ «ПОЛИЦЕЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»

(ЗУБАТОВЩИНА)

А. П. Корелин

С середины 90-х годов прошлого века в русском освободительном движении начался новый, пролетарский этап. Первые же массовые выступления рабочих, руководимые социал-демократами, вызвали страх и растерянность в правящих кругах. В арсенале средств борьбы царизма с революционным движением всегда преобладали полицейско-репрессивные меры. Временное положение об усиленной и чрезвычайной охране, как писал В. И. Ленин, «с 1881 года стало одним из самых устойчивых, основных законов Российской империи»¹. Однако репрессии, годные в борьбе с кружками и отдельными стихийными выступлениями, все чаще не достигали цели в применении их к массовому рабочему движению. Правительство заколебалось. «Рабочие сделали полицейские запрещения фактически бессильными,— писал В. И. Ленин, характеризуя правительственную политику в отношении стачек,— но полиция продолжала (и не могла в самодержавном государстве не продолжать) вмешиваться и, чувствуя свое бессилие, металась из стороны в сторону: то военная сила, то уступки, то зверская расправа, то заигрыванье»². Тактика «полицейского социализма» воплощала в себе одну из крайностей политики царизма в рабочем вопросе и являлась одновременно попыткой использовать новый метод борьбы с революционным движением. Она вошла в историю под названием «зубатовщина».

С раннего утра 19 февраля 1902 г. на московских улицах, прилегающих к центру, царило необычное для буднего дня оживление. Тысячи рабочих направлялись к Кремлю, вызывая живейшее любопытство обывателей. К восьми часам огромная кремлевская площадь была запружена народом; разместившимся вокруг памятника Александру II. Присутствовали вся высшая московская администрация, представители от всех сословных организаций и духовенство. Загудели колокола. Началось торжественное богослужение, посвященное памяти «царя-освободителя». По окончании панихиды оркестр рабочих мастерских Курской железной дороги исполнил «Коль славен». Под звуки гимна представители от рабочих возложили к подножию памятника два роскошных венка, купленных на деньги, собранные по подписке на московских заводах и фабриках. Затем началось молебствие о здравии царствующего императора; вся многотысячная толпа, обнажив головы, опустила на колени. Дьякон провозгласил многолетие, оркестр грянул «Боже, царя храни», и в воздух под крики «ура» полетели тысячи шапок. Августейший дядя царя великий князь Сергей Александрович обратился к рабочим с прочувствованной речью, в которой благодарил их за выражение верноподданнических чувств. С ответным словом вы-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 331.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 403.

ступил рабочий Ф. Слепов. На этом манифестация закончилась, и к 12 часам площадь уже опустела. В тот же день московский обер-полицеймейстер телеграфировал в департамент полиции: «Патриотическая манифестация рабочих в числе до 60 тысяч прошла блистательно и в удивительном порядке»³.

Эта картина, может быть, и не заслуживала бы столь подробного описания, если бы не одна существенная деталь. Инициатива и организация подобных «патриотических» торжеств до сих пор обычно принадлежали администрации. Описанный выше случай представлял, пожалуй, единственное в своем роде исключение. На площади действительно были рабочие. Более того: инициатором и организатором торжества выступил «Совет рабочих механического производства г. Москвы». Большинство участников манифестации считало его своим представительным органом. Утром следующего дня московские газеты, захлебываясь от восторга, сообщали о продемонстрированном рабочими «единстве царя и народа, под сенью церкви православной»⁴. Событие нашло отражение даже в зарубежной прессе. Так, французская газета «Фигаро» писала: «Этот самостоятельный народный порыв следует отметить: он доказывает могущество и глубину уважения к монархическому режиму в России»⁵. И действительно, монархическая демонстрация рабочих прозвучала резким диссонансом на фоне нараставшего в стране пролетарского движения.

Откликнулась на событие и революционная печать. Ленинская «Искра» уже в первом номере обратила внимание читателей на особую политику московских властей в отношении рабочих. Почти во всех последующих номерах эта тема не сходила с ее страниц. «Искра» первая показала, что московская манифестация, по существу, была хорошо разыгранным спектаклем, в котором в роли статистов оказались тысячи рабочих. Был назван и подлинный режиссер представления — начальник московского охранного отделения С. В. Зубатов. Разработанная им новая тактика борьбы с революционным движением, получившая наименование «зубатовщины», принесла автору известность в самых различных кругах русского общества. Монархическая манифестация рабочих была, пожалуй, высшим успехом этой тактики.

Среди деятелей департамента полиции С. В. Зубатов — фигура примечательная во многих отношениях. В ранней молодости ему не чужды были социалистические увлечения. Гимназистом он принимал участие в нелегальных кружках учащейся молодежи, а в 1882 г. был даже исключен из гимназии за неблагонадежность. Эта близость в течение некоторого времени к революционным кругам сыграла большую роль в его дальнейшей карьере. В середине 80-х годов он уже негласный осведомитель московской охранки, провокатор. Умный, ловкий и удачливый агент скоро обратил на себя внимание. В 1889 г. он становится помощником начальника, а в 1896 г. — начальником московского охранного отделения. К этому времени, как вспоминал сам Зубатов, он был уже в «полном служебном расцвете» и считался «баловнем и фаворитом Питера»⁶. Он с головой уходит в организацию политического сыска и постановку «внутренней агентуры», то есть сложной системы провокаций, вкладывает в это дело немало труда, выдумки и достигает больших успехов. Известный в свое время охранник П. П. Заварзин, характеризуя его деятельность в этой области, писал: «Зубатов был одним из немногих правительственных агентов, который знал революционное движение и технику розыска. В то время политический

³ ЦГАОР СССР. ДП, ОО, 1902, д. 95, л. 10.

⁴ «Московские ведомости», 20. II. 1902.

⁵ Перепечатано в «Московских ведомостях», 14. III. 1902.

⁶ Б. П. Козьмин и Зубатов и его корреспонденты. М.-Л. 1928. стр. 70.

розыск в империи был поставлен настолько слабо, что многие члены его не были знакомы с самыми элементарными приемами той работы, которую они вели, не говоря уже об отсутствии умения разбираться в программах партий и политических доктринах. Зубатов первый поставил розыск в империи по образцу западноевропейскому, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т. п.»⁷.

Московское охранное отделение того времени занимало исключительное положение среди розыскных органов департамента полиции. Сфера его деятельности выходила далеко за пределы Москвы и губернии. Благодаря тщательно поставленному сыску и разветвленной сети агентуры отделению удалось нанести ряд ощутимых ударов революционному движению. Им были произведены крупные аресты в Москве, Минске, Киеве, Одессе, Харькове и даже в Петербурге. Однако эти аресты, как и вообще репрессивные меры правительства, уже не могли остановить нарастающее революционное движение, которое крепло идейно и организационно, становясь все более массовым. Стачки рабочих середины 90-х годов в Петербурге, Москве и ряде других городов центрального района, руководимые социал-демократами, показали рост сознательности и организованности рабочего класса.

Сравнительно высокая эрудиция, знание революционной среды, знакомство с нелегальной литературой и, наконец, непосредственное соприкосновение с практикой революционного движения позволили Зубатову быстрее других почувствовать и оценить значение новой нарастающей силы — пролетариата. Ярый сторонник и защитник российского самодержавия, видевший в неограниченной монархии идеал политического строя, Зубатов ищет пути и средства сохранения этого строя перед лицом надвигавшейся опасности. Он понимал, что репрессивные меры уже не достигают цели в применении их к массовому революционному движению. И Зубатов приступает к выработке новой тактики борьбы с революционным движением, вылившейся в своеобразную систему русского «полицейского социализма».

Основы этой тактики были сформулированы в докладной записке, поданной 8 апреля 1898 г. московским обер-полицеймейстером Д. Ф. Треповым великому князю Сергею Александровичу⁸. Записка начинается своеобразным «анализом» западноевропейского и русского революционного движения. «История революционного движения показала, — писал автор, — что сил одной интеллигенции для борьбы с правительством недостаточно, даже в том случае, если они вооружаются взрывчатыми веществами»⁹. Революционеры-интеллигенты и организуемые ими кружки сами по себе не страшны. Это штабы без армии. Страшны и опасны они становятся лишь тогда, когда им удастся связаться с массами и опереться на них. В этом отношении особую опасность представляют социал-демократы, опирающиеся на рабочих, «на такую массовую силу, с которой правительству придется серьезно считаться». Далее в записке констатируется факт, что деятельность российской социал-демократии «дала превосходные результаты на практике: явились массовые забастовки, давшие в итоге достаточное удовлетворение своим участникам». Причины успеха социал-демократов автор видит в том, что они ведут свою пропаганду, «эксплуатируя мелкие нужды и

⁷ Там же, стр. 4.

⁸ Объясняя историю возникновения этого документа, Зубатов писал Л. В. Бурдеву в письме от 18 декабря 1906 г.: «События выдвинули рабочий вопрос. Я написал о нем громадный доклад. Д. Ф. (Трепов.—А. К.) целую неделю возился с ним, ибо были вложены в него весь мой (опыт.—А. К.), все мои политические познания... Наконец, через неделю он выкроил из моего доклада ту записку, которую вы знаете, и дал ее отшлифовать» (Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 71).

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 17—18, д. 25, г. 2, л. 76.

требования рабочих». Последнее же является следствием недостаточно внимательного отношения к рабочим со стороны «надлежащих чинов и ведомств». Это обстоятельство должно быть учтено при выработке мер борьбы с революционным движением. «Пока революционер проповедует чистый социализм,— заявлял Зубатов,— с ним можно справиться одними репрессивными мерами, но когда он начинает эксплуатировать мелкие недочеты существующего законного порядка, одних репрессивных мер мало, а надлежит немедленно вырвать из-под его ног самую почву»¹⁰. Каким же образом? Задача первостепенной важности состояла, по его мнению, в том, чтобы фактами попечительства вырвать народ из-под влияния революционеров, завоевать его доверие. И сделать это быстрее всего может полиция. Исходя из изложенного, автор записки считал, что необходимо «урегулировать рабочее движение, дифференцировать различные его проявления и определить, с чем нужно бороться и что нужно только направлять». В качестве первых шагов он предлагал ряд мер, которые позволили бы отвлечь рабочих от политической борьбы, внести раскол в их ряды. Прежде всего, по его мнению, необходимо внушить рабочим, что правительство само может удовлетворить все их «законные» требования, устранить «своеволие» предпринимателей и вообще заняться «урегулированием» фабрично-заводских отношений.

В дальнейшем эти основные положения новой тактики были С. В. Зубатовым развиты и конкретизированы, что прослеживается по ряду его донесений в департамент полиции. Разъясняя свой замысел, он писал в донесении от 19 сентября 1900 г.: «Значит, мораль такая: 1) Идеологи — всегдашние политические эксплуататоры масс на почве их нужды и бедности, их надо измывать и, 2) борясь с ними, помнить всячески: «бей в корень», обезоруживая массы путем своевременного и неустанного правительственного улучшения их положения на почве мелких нужд и требований (большого масса никогда сама по себе и за раз не просит). Но обязательно это должно делаться самим правительством, и при том неустанно, без задержки»¹¹. Приведенные положения очень четко характеризуют смысл всей зубатовской затеи. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Обещание более или менее широких реформ, действительная готовность осуществить крохотную частичку обещанного и требование за это отказаться от борьбы политической, — вот в чем суть зубатовщины»¹².

Зубатов считал, что в обстановке растущего революционного движения его план можно осуществить при помощи легализации под тайным контролем полиции профессиональных рабочих организаций, которые должны отвлечь рабочих от политики и направить их устремления в русло экономической борьбы. Поддерживая и направляя профессиональное движение, правительство тем самым могло бы предоставить известную свободу отношений между предпринимателями и рабочими, не выходящую за рамки экономической борьбы, и даже «смотреть сквозь пальцы на забастовки, раз в них нет ни уголовщины, ни явной политики»¹³. Вопрос о «взаимном доверии» между правительством и рабочими Зубатов впоследствии определил как «краеугольный камень» всей своей системы. «Традиционная политика, — писал он, — покоилась как раз на обратном и видела во всяком удовлетворении ходатайств рабочих, как бы они ни были справедливы по существу, поблажку, воспитание притязательности, разнуздание зверя»¹⁴.

¹⁰ Там же, лл. 76--77.

¹¹ «Красный архив», 1926, т. 19, стр. 211.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 37.

¹³ «Былое», 1918, № 9, стр. 111.

¹⁴ «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 173.

Идеи «полицейского социализма» не были изобретением Зубатова. Подобным же образом пытались решить рабочий вопрос Наполеон III во Франции, Бисмарк и Вильгельм II в Германии. Все эти попытки потерпели крах. И Зубатов знал об этом. Однако он считал, что главной причиной неудач на Западе была непоследовательность властей в проведении подобной политики, а также сильное влияние классов и партий на правительства. В России же, в чем он искренне был убежден, царская власть стояла вне зависимости от каких-либо общественных классов, выше их, и в силу этого она могла, по его мнению, выступить в роли примирительницы классовых антагонизмов.

Расчеты Зубатова имели под собой определенную почву, которая питала его идеи и отчасти способствовала их осуществлению. Они опирались, с одной стороны, на традиционный «попечительный» характер политики царизма в рабочем вопросе, а с другой стороны, на неразвитость, несознательность значительной части рабочего класса России, не прошедшего еще настоящей школы классовой борьбы, на не изжитые еще в народной массе царистские иллюзии. Учитывалась и стихийная тяга рабочих к объединению. При выработке и осуществлении зубатовской политики были использованы идеи бернштейнианства, легального марксизма, экономизма и труды таких буржуазных и буржуазно-либеральных исследователей рабочего вопроса, как С. и Б. Веббы, В. Зомбарт, В. Кулеман, П. Рузье, Г. Геркнер, Л. Вигуру и пр. Особенно большие надежды возлагал Зубатов на Э. Бернштейна. «Прочел сегодня, — сообщал он в департамент полиции, — заметку в «Русских ведомостях» о вышедшей книге Бернштейна «Исторический материализм»... и душою затрепетал. Вот наш союзник против безобразной русской социал-демократии»¹⁵. И действительно, появление оппортунистического уклона в рядах российской социал-демократии значительно облегчило задачу московского охранного отделения. «Зубатов понял то, чего не могли понять искренние доброжелатели рабочих, — писала по этому поводу «Искра», — и он стремится потушить разгорающееся революционное пламя как раз теми средствами, какими, между прочим, думают потихоньку да полегоньку раздуть его гг. «экономисты»¹⁶.

Таковы вкратце суть, идейные истоки и корни «зубатовщины». Но, находясь сравнительно невысоко на ступенях служебной лестницы, Зубатов не мог рассчитывать на то, что ему удастся осуществить намеченный им план самостоятельно, тем более, что его программа во многом шла вразрез со сложившейся практикой и общим направлением правительственной политики в рабочем вопросе. Он посвящает в свои планы Д. Ф. Трепова, бывшего в то время московским обер-полицеймейстером. Тот некоторое время колеблется. Его пугает невозможность заранее предугадать последствия новой политики. Но постепенно Зубатову удается склонить его на свою сторону. Вспоминая об этом, Зубатов писал: «Вообще главной точкою преткновения в легализации рабочего движения был вопрос: а не падет ли эта организация на голову самого правительства. Долго колебавшийся Трепов наконец воскликнул: «Ну, да штыков у нас хватит»¹⁷. Уверовав в планы Зубатова, Трепов стал горячим сторонником и проводником его взглядов. В свою очередь, ему удалось заручиться содействием московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, пользовавшегося большим влиянием в высших сферах. «Он (Трепов. — А. К.) скоро сблизился с

¹⁵ «Исторический журнал», 1939, № 1, стр. 113.

¹⁶ «Искра», 1901, № 10.

¹⁷ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 87. Впоследствии Д. Трепов осуществил это на деле. В октябре 1905 г. всю Россию облетели слова из его приказа: «Патронов не жалеть и холостых залпов не давать».

великим князем,— вспоминал Зубатов.— Я был в фаворе в Питере, и мы занялись «переоценкой ценностей»¹⁸.

К реализации своих планов Зубатов фактически приступил еще в 1896 г., когда ему удалось арестовать почти всех активных работников московского «Рабочего союза» (так называлась с 1895 г. по январь 1898 г. общемосковская социал-демократическая организация). Уже тогда он начал плести паутину, которой хотел опутать все рабочее движение. Однако вначале он преследовал более скромную цель: путем психологической обработки арестованных создать широкую шпионско-агентурную сеть для разложения социал-демократических организаций изнутри. Он воскресил приемы жандармского полковника Г. Судейкина, широко известного своими попытками внести политический разврат и провокаторство в ряды «Народной воли» и убитого по ее приговору. Обычно следствие по делам революционеров вели жандармские управления, и Зубатову стоило больших трудов добиться для охранного отделения разрешения вести предварительное дознание. Допросам арестованных он придавал очень большое значение, стремясь при этом если не завербовать агентуру, то хотя бы посеять сомнения в душе допрашиваемых, сбить их с революционного пути.

Один из руководителей московского «Рабочего союза», С. И. Мицкевич, вспоминал впоследствии: «Его допросы носили своеобразный характер: Зубатов вел беседы на самые разнообразные темы в непринужденном тоне и увлекал искренней беседой собеседников. Многим арестованным казалось, что это просто столкновение двух мировоззрений, и они, излагая свою точку зрения, тем самым выдавали часто все, что касалось их личной и революционной деятельности. Он давал арестованным читать книги, газеты и журналы, особенно рекомендовал книги Бернштейна, горячим поклонником которого он являлся, отпускал арестованных под честное слово в город, предлагал деньги взаймы, заводил дружескую переписку и т. д.»¹⁹. Интеллигентов Зубатов убеждал, что «правильно понятая монархическая идея в состоянии дать все нужное стране при развязанности общественных сил, притом без крови и прочих мерзостей»²⁰. Рабочих же он старался восстановить против руководителей-интеллигентов, внушая им, что революционеры используют их только как орудие для достижения своих целей, совершенно чуждых рабочему классу, что только при поддержке надклассового самодержавия и путем легализации движения рабочие могут улучшить свое экономическое положение. Он зачитывал им «откровенные признания» некоторых раскаявшихся или запутавшихся интеллигентов и тем сеял недоверие к революционерам. «И надо сказать,— писал С. И. Мицкевич,— что многие, недостаточно стойкие и убежденные арестованные шли на удочку Зубатова: одни искренне уверовали, что под полицейско-охранной опекой можно организовать рабочее движение на почве борьбы за «экономические свободы», другие, испугавшись репрессий и соблазнившись «тридцатью сребренниками», становились предателями и провокаторами»²¹. Посыпались аресты, провалы следовали за провалами²². Условия социал-демократической работы в Москве стали чрезвычайно тяжелыми²³.

Вот в такой обстановке Зубатов и решил приступить к широкой реализации своих далеко рассчитанных планов. В августе 1900 г., докладывая о достигнутых успехах, он просит департамент полиции раз-

¹⁸ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 71.

¹⁹ «На заре рабочего движения в Москве». М. 1919, стр. 147.

²⁰ Н. А. Бухбиндер. Зубатовщина и рабочее движение в России. М. 1926, стр. 4.

²¹ «На заре рабочего движения в Москве», стр. 147—148.

²² Там же, стр. 93—94.

²³ Протоколы II съезда РСДРП. М. 1959, стр. 628—629.

решить ему приступить к осуществлению предложенной им программы. На его доклад последовала резолюция начальника департамента полиции: «Продолжайте ваши политические разговоры с арестованными, как дающие видимые результаты, а осенью мы установим, по возвращению министра, двойной курс: наряду с полицейскими выработаем с министром и политические меры»²⁴. Однако Зубатову не терпелось испробовать свои приемы на массе. К этому его, видимо, побуждало и постоянное возрождение московской социал-демократической организации, продолжавшей, несмотря на частые аресты ее членов, свою героическую борьбу за консолидацию сил революционного движения. И вот, не дождавшись официального разрешения от высшего начальства, заручившись содействием великого князя Сергея Александровича и Трепова, Зубатов с середины 1900 г. начал осуществлять свою программу среди широких рабочих масс Москвы.

Первые шаги московского охранного отделения в этом направлении были тщательно законспирированы. Вся работа велась через агентов-рабочих, среди которых выделялись бывший социал-демократ М. Афанасьев, Ф. Слепов, Н. Красивский и И. Соколов²⁵. Они-то и явились первыми проповедниками зубатовских идей среди московских рабочих. Свою деятельность «инициаторы» начали среди рабочих завода Г. Листа, занимавшихся у учительницы Н. К. Дмитриевой в районной воскресной школе. «В течение ряда бесед,— докладывал Зубатов в департамент полиции,— перед рабочими были выяснены основные положения легальной деятельности и отличия ее от нелегальной; при этом предлагалось принцип борьбы «во что бы то ни стало» заменить миром и согласием с предпринимателями и правительственными лицами; вместо революционной интеллигенции привлечь на свою сторону интеллигенцию мирную и заслуженную, случайные и сбродные сходки и другие сборища заменить правильно организованными собраниями под неперменным руководством лиц компетентных и влиятельных и, действуя всегда под покровительством существующих властей... твердо себе усвоить, что постепенное улучшение экономического положения рабочих совсем не зависит от той или иной формы политического строя»²⁶. Указывая, что самодержавие является условием, благоприятствующим развитию профессионального движения, зубатовцы убеждали рабочих, что «в России единственно целесообразный и плодотворный образ действия — это борьба не с хозяином и правительством, а борьба с собственной неразвитостью и некультурностью»²⁷.

Результатом этих бесед было начавшееся вскоре среди рабочих движение за учреждение легальных обществ взаимопомощи. Зубатовцы тонко сыграли на тяге рабочих к объединению, на желании их законным путем удовлетворить свои культурные запросы и улучшить материальные условия. В начале 1901 г. группа «рабочих-инициаторов» подала прошение генерал-губернатору об открытии «Московского общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве». Активную роль при этом сыграл М. Афанасьев. Когда прокурор потребовал, чтобы тот отбыл наказание за старые грехи, Зубатов решительно выступил в защиту своего агента. «Вся игра идет на легальном обществе,— писал он в Петербург,— устав которого... в это воскресенье разбирался, со всеми учредителями, у нас в отделении. Рабочие очень довольны. Но все это может идти лишь тогда, когда я говорю устами Михаила Афанасьева (на нем лишь все держится)»²⁸.

²⁴ «Былое», 1918, № 9, стр. 102

²⁵ Неизвестны точно мотивы, побудившие этих рабочих пойти на сотрудничество с Зубатовым, но доказан факт, что вскоре большинство из них оказалось на содержании у охранки. См. Н. Ростов. Крушение одного опыта. М. 1927, стр. 11.

²⁶ ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1901, л. 801, ч. 1(2), л. 13.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, 1898, д. 2, ч. 1, лит. Г, л. 45.

Через своих агентов Зубатову удалось привлечь к этому делу и либеральную интеллигенцию. Профессор Московского университета И. Х. Озеров и доцент В. Э. Ден согласились разработать устав общества. Они взяли за образец устав харьковской кассы взаимопомощи, составили проект, который был представлен Трепову. После некоторых изменений Трепов одобрил проект и отправил его в министерство внутренних дел, которое и утвердило его 14 февраля 1902 года.

Однако свою деятельность «инициативная группа» начала задолго до утверждения устава, еще даже до подачи прошения о разрешении общества. Для этого пришлось арестовать и выслать некоторых рабочих, заподозривших «инициаторов» в связях с полицией. При посредстве Озерова «инициативная группа» установила связь со старшим фабричным инспектором Чижовым, и последний обещал поддержать начинание рабочих и привлечь к этому делу предпринимателей. Тот же Озеров предложил устроить для рабочих ряд лекций и бесед, чтобы ознакомить их с основами профессионального движения, и обещал привлечь квалифицированных лекторов. Зубатова это устраивало, так как таким путем он надеялся охватить больший круг рабочих своей пропагандой. И вот с 27 мая 1901 г. в аудитории общества народных развлечений, а затем в Историческом музее по воскресным дням прошел ряд собраний рабочих, на которых присутствовали по несколько сот человек. Перед слушателями выступили профессора и ученые: В. Э. Ден, В. И. Анофриев, Н. Ф. Езерский, А. Э. Вормс, А. А. Мануилов, В. Г. Вилец и И. Х. Озеров. Лекции и беседы были посвящены как общеобразовательным темам, так и вопросам, непосредственно касающимся жизни рабочих: целям и задачам касс взаимопомощи и потребительских обществ, биржам труда, санитарным условиям производства и технике безопасности, рабочему дню и сверхурочным работам, жилищному вопросу и разумному проведению досуга и т. п. Программы лекций были утверждены Треповым, а на собраниях присутствовали чины полиции. Озеров писал о целях, которые преследовались при чтении лекций либеральной профессурой, следующее: «Нашим пожеланием было, чтобы под сенью касс взаимопомощи выросли и другие европейские растения, как-то: бюро юридической помощи, рабочие клубы, строительные общества, общества потребителей и т. п.»²⁹. Однако, рассчитывая подчинить своему влиянию рабочее движение, направить его в русло, отвечающее интересам развивавшегося буржуазного общества, либеральная интеллигенция сыграла на руку Зубатову. «Искра» писала по этому поводу: «Люди науки, которые дерзают при наших политических условиях идти на обсуждение вопросов положения русского рабочего, должны знать наперед, что они ставят себя в самое щекотливое положение между опасностью прогнать начальство, выступая открыто против узаконенного беззакония, и риском очутиться — при всех своих благих намерениях — в роли невольного пособника царящего зла, освещая своим двусмысленным поведением, своими умалчиваниями и своими недоговариваниями всю гнусность того режима, под тяжестью которого стонет наш рабочий»³⁰. Лекторы, естественно, не решились «гневить» начальство и предпочли второй путь, выступив в роли «загонщиков» рабочих в «тенёта охраны»³¹. Более того: Озеров, категорически отрицавший свою связь с полицией, по собственной инициативе бывал в охранном отделении. «Вчерашний день оказался чрезвычайным: в отделение заявился профессор Озеров, — сообщал приятно удивленный Зубатов начальнику департамента полиции в донесении

²⁹ И. Х. Озеров. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М. 1906, стр. 200.

³⁰ «Искра», 1902, № 8.

³¹ «Искра», 1902, № 11.

от 20 сентября 1901 г.,— шаг исключительный. В прежнее время профессора нас посещали не иначе, как под конвоем. Приходил за тем, чтобы получить направление для деятельности профессуры в рабочем деле, условиться о совместной работе, уверял в лояльности лекторов и неизменной их корректности, вырисовывал цель их стремлений — создание социального мира в торгово-промышленной деятельности... Визитом остался доволен, видимо, до чрезвычайности. Во всяком случае, совместная просветительная работа охраны и профессуры — зрелище любопытное и необычное»³².

Под впечатлением прослушанных лекций рабочие высказались за создание потребительского общества. И это вполне соответствовало замыслам охраны. В короткий срок учредители наwerbовали до 2 тыс. членов, собрали капитал около 5 тыс. руб. и в сентябре уже имели утвержденный устав. Зубатов увидел в обществе новое средство улавливания рабочих. «Денежные сборы, поступавшие в потребительское общество,— писал он,— являлись золотой цепью, приковывавшей их (рабочих.— А. К.) к подобного рода начинаниям, ибо в случае краха, они потеряли бы не только самое учреждение, но и свои трудовые, дорого им стоящие копейки»³³.

Собрания в Историческом музее становились все более многолюдными. К осени 1901 г. были разрешены районные совещания, проводившиеся под контролем полиции в народных домах, пивных и трактирах 11 районов города и собиравшие иногда по 200—400 человек. Формальным поводом для этого послужила необходимость обсуждения рабочими вопросов, предлагавшихся на общих собраниях. Эти совещания возглавили агенты Зубатова и наиболее развитые из распропагандированных ими рабочих. Постепенно здесь сосредоточивается основная деятельность формально еще не разрешенного, но фактически действующего общества: проводятся литературно-вокальные и семейно-танцевальные вечера, общеобразовательные чтения с показом «туманных картин», обсуждаются вопросы, подлежащие рассмотрению на общих собраниях. Вскоре все большее место на совещаниях начинают занимать вопросы насущного положения рабочих, их экономические требования. Зубатовские агенты пытались задерживать эти обсуждения на уровне мелких вопросов, касавшихся второстепенных деталей условий производства и быта. Но все же под давлением рабочих охранка вынуждена была разрешить совещаниям обсуждать проблемы заработной платы, рабочего времени, санитарного состояния предприятий и т. п. Чтобы поставить под контроль эти собрания, Зубатов пошел на создание «Совета рабочих механического производства г. Москвы», в который вошли все председатели районных совещаний. Деятельность «Совета» определялась временной инструкцией, утвержденной Треповым 11 октября 1901 года. Первый параграф ее гласил, что задача нового органа — «обсуждать все вопросы, касающиеся как совещаний, так и вообще рабочих механического производства». Фактически же целью «Совета», во главе которого оказался М. Афанасьев, было осведомлять охранку о настроениях рабочих, вести среди них агитацию против социал-демократов и за легализацию рабочего движения. В донесении от 20 сентября 1901 г. Зубатов сообщал в Петербург: «Мы организовали «Рабочий Совет» из 17 человек, проведя туда всю агентуру... Дело идет блестяще... Обладая Советом, мы располагаем фокусом ото всей рабочей массы, и благодаря рычагу можем вертеть всю громаду»³⁴. Рабочие же видели в Совете орган своего профессионального представительства и стали обращаться к нему со всякого рода жало-

³² «Каторга и ссылка», 1925, № 1 (14), стр. 110—111.

³³ ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1901, д. 801, ч. I (2), л. 26.

³⁴ «Каторга и ссылка», 1925, № 1 (14), стр. 111.

бами. Чтобы не подорвать авторитет своих агентов, московская администрация вынуждена была рассматривать требования рабочих и принимать меры. При ее посредстве был улажен ряд мелких конфликтов, возникших между хозяевами и рабочими. Зубатовцы в этих случаях уговаривали рабочих ограничиться минимумом в своих требованиях, а полиция занималась увещанием предпринимателей. В ряде случаев Трепов вынуждал отдельных хозяев пойти на уступки, предотвращая тем самым забастовки. Возникавшие стачки сравнительно быстро улаживались «Советом».

Все это широко рекламировалось на собраниях как успех легальной деятельности и как доказательство «благожелательности» властей. В то же время такая политика позволила охранке усилить контрреволюционную пропаганду. Свообразным «идеологом» московских зубатовцев выступил Ф. Слепов. Он не только писал в «Московских ведомостях» заметки, освещавшие в нужном для охранки свете ход легального рабочего движения, но и выступал на собраниях с критикой социал-демократов. Так, в начале февраля 1902 г. он выступил на ряде собраний по поводу прокламации московской группы РСДРП. Обвинив революционеров в корыстных целях, чуждых интересам рабочего класса, он всю вину за тяжелое положение рабочих возложил на иностранных капиталистов, в чьих руках будто бы находилась вся русская промышленность. Особенно демагогической была его речь перед рабочими в Кремле во время упоминавшейся манифестации 19 февраля 1902 года. Как сообщала «Искра», Слепов заявил, что правительство обещает рабочим 8-часовой рабочий день, что со временем оно передаст им все предприятия. Для этого, уверял он, конституция не нужна: делает это сам царь. И он опять призывал рабочих не верить революционерам, которые якобы хотят использовать недовольство рабочих в своих интересах³⁵.

Итак, на первых порах тактика Зубатова имела в Москве определенный успех. К началу 1902 г. общество насчитывало около 1 800 членов. Еще больше рабочих посещали зубатовские собрания. В конце ноября 1901 г. Зубатов доносил в департамент полиции, что «к этому времени все элементы легальной деятельности уже выработались: установились естественные отношения к администрации, инспекции и хозяевам, рабочие массы получили тоже естественных руководителей, пресса способствовала их легализации в общественном мнении»³⁶. Касаясь вопроса о возможности распространения подобной тактики и в других местах, он указывал на сложность задачи, на необходимость использовать московский опыт. При этом его донесение вскрывает все тайные пружины легального рабочего движения. «Организация профессионального рабочего движения в Москве,— писал он,— несмотря на кажущуюся естественность его развития и связи совершавшихся событий, велась все время по строго обдуманному плану, при котором приходилось предусматривать каждую мелочь, сообразовывать чуть ли не каждый шаг новаторов-рабочих»³⁷. Создание «некоторого ядра из заблаговременно подготовленных сознательных рабочих-профессионалов», а проще говоря — агентуры, привлечение либеральной профессуры, установление связи с фабричной инспекцией Зубатов считал важнейшими условиями реализации своего плана. На дальнейшее развитие легального рабочего движения в Москве повлиял ряд факторов, отчасти изменивших формы и методы работы охранки. Но к этому мы вернемся несколько позже. А сейчас, чтобы показать общую картину деятельности Зубатова, рассмотрим, что делалось им для осуществления сво-

³⁵ «Искра», 1902, № 16.

³⁶ ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1901, д. 801, ч. 1(2), л. 21.

³⁷ Там же, л. 30.

его плана в другом крупном центре революционного движения — Минске.

В то время северо-западные губернии представляли собой район мелкой кустарно-ремесленной промышленности и торговли. Особенностью этого района было и то, что значительную часть местного пролетариата составляли рабочие-евреи. Здесь с давних пор полулегально существовали средневекового типа цеховые союзы ремесленников — феерейны. Рабочее движение этих губерний в значительной степени находилось под влиянием мелкобуржуазной еврейской организации «Бунд», из рядов которой Зубатов во время арестов 1898 и 1900 гг. набрал себе агентуру. Националистическая ограниченность «Бунда», проповедь им сепаратизма в рядах социал-демократии, его оппортунизм — все это облегчило задачу охранки. В результате психологической обработки арестованных Зубатову удалось склонить на свою сторону некоторых бундовцев, убедить их в целесообразности плана легализации рабочего движения, являвшегося, по его словам, единственным средством улучшения положения евреев в России Зубатов объяснял действиями местной администрации, извращавшей царскую волю. После такой обработки почти все арестованные были выпущены. Некоторые из них, искренне уверовав в доводы Зубатова, развернули бурную деятельность по реализации его плана. При этом они не погнушались выдать полиции ряд своих недавних товарищей по организации, мешавших осуществлению зубатовских идей.

К августу 1901 г. в руках зубатовцев оказалось 6 цехов: переплетчики, слесари, столяры, каменщики и жестянщики. Почувствовав силу, зубатовские агенты решили выйти из «Бунда» и создать свою «экономическую партию». По инициативе наиболее видных агентов охранки М. Вильбушевич, Ю. Волна, А. Чемерисского и М. Гольдберга 27 июля 1901 г. состоялось собрание их сторонников, постановившее создать «Еврейскую независимую рабочую партию». В программном заявлении создатели партии провозглашали преступным «приносить в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые в настоящее время ему чужды»³⁸. В соответствии с этим задачей партии они считали «поднятие материального и культурного уровня еврейского пролетариата посредством экономическо-экономических организаций». В программе специально оговаривалось, что «партия в целом не выставляет себе никаких политических целей» и что она «объединяет для экономической и культурной деятельности рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых»³⁹.

В принятых документах не получил отражения ряд существеннейших положений, которыми «независимцы» тем не менее руководствовались в своей практике. В частности, весьма важен был вопрос об отношении партии к существовавшему строю. Ответ мы находим в одном из листов, изданных комитетом партии. Проникнувшись зубатовской идеей о благотворной роли самодержавия в решении рабочего и еврейского вопросов, «независимцы» заявляли, что строй этот не случайное явление, что он «имеет корни в жизни и истории», что при нем «русский народ развился от полудикого состояния до Толстого и Менделеева»⁴⁰.

Комментарием и дополнением к программным документам служит записка, найденная в бумагах одного из активных деятелей партии, Г. Шаевича, — «Еврейская независимая рабочая партия, ее программа, история и значение для национального возрождения еврейского

³⁸ «Красная летопись», 1922, № 2—3, стр. 242.

³⁹ Там же, стр. 243.

⁴⁰ «Пережитое». Т. 3. СПб. 1911, стр. 218.

народа»⁴¹. В ней автор заявлял, что деятельность партии рассчитана на постепенную легализацию рабочего движения, которое правительство в конце концов вынуждено будет признать. И вот именно «для ускорения и облегчения этого процесса... необходима партия, которая будет представлять интересы рабочих». В этом пункте взгляды «независимцев» почти целиком совпали с доводами экономистов.

Все это в принципе не отличалось от программы московских зубатовцев. Но был и новый пункт, порожденный специфическими местными условиями. Руководители партии, являвшиеся, по словам Шаяевича, горячими националистами и сионистами, поставили себе целью «сионизировать рабочую массу»⁴². Нейтрализация рабочих от политики должна была стать первым шагом в этом направлении. Культурно-просветительная и профессиональная деятельность легальных рабочих организаций должна была помочь еврейскому рабочему «конкурировать с христианским рабочим»⁴³.

Вся деятельность минских «независимцев» и связанных с ними ферейнов направлялась начальником местного жандармского управления полковником Н. Васильевым, в котором Зубатов, как он сам сообщал в департамент полиции, нашел сообщника «на почве тождественного понимания современного, так называемого рабочего движения»⁴⁴. Докладывая о своей деятельности командиру корпуса жандармов, Васильев в рапорте от 27 декабря 1901 г. писал: «Жизнь указала, что сходки крестьян, мещан и других сословий недворянских, разрешенные правительством, до сих пор не были причиной к агитации противоправительственной, почему я и предположил, на свой страх, начать это и по отношению рабочих и вступить вместе с тем в борьбу с революционными социал-демократическими группами, выставив против последней организованную экономическую партию»⁴⁵.

В отличие от Зубатова, который предпочитал действовать за спиной своей агентуры, Васильев сразу же открыто стал вмешиваться в конфликты между хозяевами и ремесленниками. Так, уже в мае 1901 г., во время забастовки слесарей, требовавших 12-часового рабочего дня, предусмотренного уставом, вместо практиковавшегося предпринимателями 14-часового, он пригласил к себе представителей от обеих сторон. Рабочие колебались, но зубатовские агенты во главе с Вильбушевич уговорили их послать делегатов. «На примирительном заседании в жандармском управлении, — с удовлетворением докладывал Зубатов, — рабочим была выяснена вся неправильность самовольного оставления работ, а хозяевам — незаконность их требования, и тут же было предложено: первым — стать на работу, а вторым — ввести законный рабочий день»⁴⁶. В таком духе «независимцы» и вели экономическую «борьбу», пока они находились под контролем полковника Васильева.

Вся дальнейшая практика минских зубатовцев в значительной степени напоминает деятельность их московских коллег. Были разрешены собрания рабочих, сначала по ферейнам, а затем и общеремесленные. Последние проходили еженедельно в огромном зале «Париж», вмещавшем 1 500 человек. В нем проводились литературно-вокальные вечера, отмечались национальные праздники, местный культуртрегер читал благословения жандармского управления лекции на общеобразовательные темы. Одно время «независимцы» издавали даже свой периодический орган «Биржа труда». Развернув под покровительством местных властей бурную деятельность, им удалось к осени 1902 г. орга-

⁴¹ «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 312—319.

⁴² Там же, стр. 312.

⁴³ Там же, стр. 316.

⁴⁴ «Красная летопись», 1922, № 2—3, стр. 213.

⁴⁵ Там же, стр. 212.

⁴⁶ Там же, стр. 214.

низовать и подчинить своему влиянию 15 цеховых союзов. Были подготовлены и отправлены на утверждение в министерство уставы «Общества ремесленных рабочих» и «Общества приказчиков». С удовлетворением отмечая успехи «независимцев» в Минске, Зубатов 28 ноября 1901 г. доносил в департамент полиции: «За отсутствием больших интеллигентных сил в городе движение поневоле должно носить более мелкий характер, чем в Москве, но зато идет более оригинальным ходом. Вместе с кружковыми профессионалами полковник Васильев рассчитывает сломать преобладающее значение агитаторов в течение одного-двух лет, действуя в помощь контрпропаганды изъятием из обращения наиболее видных революционно настроенных лиц»⁴⁷.

Однако, не рассчитывая полностью увлечь еврейских рабочих своей экономической программой и понимая особое положение евреев в России, Зубатов обращает внимание на сионизм, предполагая использовать его в своих целях. На эту мысль его натолкнула М. Вильбушевич. В одном из писем она писала Зубатову: «Ту дивную, могучую теорию сионизма, вами созданную, могут понять только немногие идеологи; этой волшебной мечтой толпа не увлечется»⁴⁸. Толпа, по ее мнению, и не может увлечься этой идеей, видя на каждом шагу гнет и произвол. Только сионизм может придать еврейскому рабочему движению направление, враждебное революции. Ознакомившись с рекомендованной ему литературой, Зубатов согласился с мнением своего агента. При его содействии осенью 1901 г. сионисты провели в Минске свой съезд. Всем сионистам рекомендовалось «вступать членами в независимую рабочую партию в тех городах, где она имеется, распространяя ее идеи и основывая там, где ее еще нет»⁴⁹.

Вскоре «независимцы» развернули деятельность в Вильно, Ковно, Киеве, Екатеринославе и особенно Одессе⁵⁰. Первые попытки организовать в Одессе контрреволюционное рабочее движение были предприняты «независимцами» еще летом 1902 г., но массовую работу им удалось начать лишь весной 1903 г., когда за дело взялся Шаевич. С ведома градоначальника графа Шувалова и начальника местного охранного отделения ротмистра Васильева были организованы «Союз машиностроительных и механических рабочих» и ряд более мелких организаций. Вести работу только среди еврейских рабочих оказалось невозможным, и стоявший во главе всех союзов центр был назван «Одесский независимый рабочий комитет». Первое время эти организации имели успех. Рабочие, увлеченные перспективой улучшения своего экономического положения, записывались в союзы, и к апрелю 1903 г. число их членов достигло 2 тысяч.

К осени 1902 г. сложилась определенная организационная структура «Независимой рабочей партии». Возглавлял ее комитет, состоявший из представителей от Минского, Одесского и Виленского рабочих комитетов, и исполнительное бюро. Последнее ведало всеми текущими делами: издавало литературу, направленную против революционных организаций, рассылало своих агитаторов, поддерживало связи с филиалами партии и с ее сторонниками в различных городах, вело работу по подготовке кадров из рабочих. Все рабочие организовывались по союзам (ферейнам), представители которых входили в местные рабочие комитеты. Так в общих чертах обстояло дело с реализацией зубатовского плана на первом этапе.

Отношение правительства к начинаниям московского охранного отделения было крайне противоречиво и отличалось нерешительностью. С

⁴⁷ «Красный архив», 1922, т. 1, стр. 294.

⁴⁸ Д. Заславский, Зубатов и Маня Вильбушевич. М. 1923, стр. 55.

⁴⁹ «Красный архив», 1922, т. 1, стр. 297.

⁵⁰ «Былое», 1917, № 4(26), стр. 167.

одной стороны, по словам Зубатова, «высшие правительственные органы прекрасно поняли суть вопроса и неотложность его решения». Но, с другой стороны, «пугаясь грандиозности предприятия, они думали уклониться от решения его, ссылаясь на проблему: не приведет ли рабочая организация к противоположным результатам, ибо такая организация — вещь обоюдоострая»⁵¹. После долгих колебаний министерство внутренних дел «согласилось видеть в деятельности московской администрации «некоторый опыт», в зависимости от результатов которого оно и ставило свое дальнейшее поведение»⁵².

Зубатову удалось заинтересовать своими идеями начальника департамента полиции С. Зволянского, а затем сменившего его А. Лопухина. Но из-за отсутствия твердого правительственного курса в этом вопросе «со стороны департамента полиции,— как говорилось в справке особого отдела департамента,— не было никаких распоряжений или мероприятий общего характера, содействовавших этой форме движения». Правда, согласно той же справке, департамент все же оказывал содействие зубатовской затее, которая сводилась, во-первых, к «неоказанию препятствий при попытках рабочих организовать в обществе взаимопомощи с чисто экономическими задачами», и, во-вторых, к «содействию» агентам Зубатова путем «благожелательного отношения к их начинаниям со стороны высших административных лиц» и предоставлением «инициаторам означенных попыток денежных субсидий»⁵³. Однако наиболее характерны в этом смысле уведомления, полученные от департамента начальниками жандармских управлений в Вильно и Одессе 12 августа и 14 сентября 1902 г. об устройстве А. Чемерисским и Ю. Волиным в этих городах собраний рабочих. На запрос местных властей, как им относиться к деятельности «независимцев», Лопухин ответил, что «давать этим лицам официальное разрешение на устройство сходок и собраний и распространение воззваний, а равно и оказывать им какое бы то ни было содействие представляется неудобным, но тем не менее казалось бы возможным, не преследуя за означенные действия, отнестись к ним с терпимостью»⁵⁴.

Первоначально деятельность Зубатова не вызвала серьезных возражений ни в правительственных сферах, ни со стороны предпринимателей. Пока дело касалось собраний, бесед и даже улаживания отдельных мелких конфликтов, все относились более или менее индифферентно к его затее, хотя промышленников раздражало, что местные власти «приучают» рабочих к «правам», будят в них «неосуществимые потребности». Но вскоре тематика лекций вызвала подозрение в Петербурге, и министр внутренних дел Д. Сипягин предложил прекратить общение собрания.

Положение еще более обострилось, когда советы и рабочие комитеты легальных обществ под давлением рабочих начали вмешиваться в отношения последних с предпринимателями, а в ряде случаев выступили даже инициаторами стачек. Поворотным событием в этом отношении стала февральско-мартовская забастовка на фабрике Товарищества шелковой мануфактуры в Москве. Ю. Гужон, являвшийся председателем правления предприятия, отказался допустить к переговорам членов совета, несмотря на настойчивые требования самого Трепова. Явившимся к нему уполномоченным он заявил, что, насколько он знает, в России тред-юнионы не разрешены. Возбешенный упорством стровитивого француза, Трепов возбудил дело о его высылке из России. Вмешались дипломаты, и конфликт пришлось замять. Но стачка затяну-

⁵¹ «Вестник Европы», 1906, № 3, стр. 434.

⁵² Там же, стр. 435.

⁵³ «Былое», 1917, № 1(23), стр. 86.

⁵⁴ Там же, стр. 89.

лась. Причем этому содействовала и позиция, занятая охранкой. Зубатов даже разрешил сборы в пользу стачечников⁵⁵.

Промышленники посылали в министерство финансов многочисленные жалобы, в которых обрушивались на «незаконные» организации рабочих, поддерживаемые местными властями. В заявлении, поданном ими С. Витте, указывалось на «крайнюю опасность» объединения «принадлежащих к различным фабрикам рабочих»⁵⁶. Витте поддержал это ходатайство и попросил Сипягина разъяснить ему, «с чьего разрешения и в силу каких законодательных постановлений организовались в Москве «союзы рабочих» и состоящие при них советы»⁵⁷. Сипягин, в свою очередь, потребовал объяснений от Трепова. Московский губернатор А. Булыгин также обратился с запросом к великому князю Сергею Александровичу и просил его «прекратить деятельность совета»⁵⁸. Однако Зубатову удалось отстоять свое детище. В докладной записке он убеждал свое начальство, что закрытие совета сыграет на руку революционерам, подтвердив их положение, что «монархическое правительство не может быть в действительности абсолютным и является всегда слугой главенствующего в данный момент класса». Это, предупреждал он, подорвет авторитет власти и будет способствовать тому, что «настроение рабочих из мирного превратится в боевое»⁵⁹. Сергей Александрович согласился с мнением Зубатова, переданным ему Треповым. Сипягин вскоре был убит. Новый министр внутренних дел В. Плеве нашел легальные рабочие общества не соответствующими закону, однако полную их отмену признал невозможной⁶⁰.

Столкнувшись с возросшим сопротивлением предпринимателей, Зубатов решил разъяснить «самодержавным аршинникам», как он в сердцах назвал их в одном из донесений, смысл проводимой им политики. Это он попытался сделать на состоявшейся 26 июля 1902 г. встрече с наиболее видными представителями московских торгово-промышленных кругов. Однако предприниматели отказались сотрудничать. Уступая их натиску, Плеве перевел Зубатова в Петербург, назначив его начальником особого отдела департамента полиции и тем самым фактически поставив его под свой контроль. Однако Зубатов и в Петербурге пытался продолжать свою деятельность, чем заслужил в торгово-промышленных и светских кругах кличку «социалист и революционер».

Внешне казалось, что затеянное Зубатовым дело продолжает крепнуть и шириться. В Москве еще в начале 1902 г. возникло общество взаимопомощи ткачей со своим советом. В 1902—1903 гг. были поданы ходатайства о разрешении обществ булочников, пуговщиков, кондитеров, табачников, картонажников. По настоянию Трепова был создан единый «Совет рабочих г. Москвы». Весной 1903 г. зубатовцы преподнесли приехавшему на паску Николаю II богато расшитое полотенце, что вызвало удивление царской четы. Царь беседовал с депутатами от рабочих, а Ф. Слепову милостиво бросил: «Читал твои статьи: хорошо пишешь»⁶¹. Принял депутатов от московских обществ и Плеве. Видимо, под влиянием того внимания, которое уделил рабочим царь, министр предоставил «Обществу рабочих механического производства» безвозвратную ссуду в 20 тыс. рублей. Московские зубатовцы ездили в Петербург и Харьков делиться опытом.

⁵⁵ Позиция Зубатова в данном случае объясняется стремлением сломить сопротивление предпринимателей, которые на одном из своих совещаний решили дать бой зубатовским организациям (ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1898, д. 2, ч. 1, лит. Д, лл. 9—10).

⁵⁶ «Каторга и ссылка», 1925, № 1(14), стр. 120.

⁵⁷ Там же, стр. 121—122.

⁵⁸ Там же, стр. 133.

⁵⁹ «Красный архив», 1922, т. 1, стр. 310.

⁶⁰ И. Х. Озеров. Указ. соч., стр. 226.

⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 634, оп. 1, д. 11, л. 156 об.

Однако характер деятельности легальных обществ все более отличался от первоначального, задуманного Зубатовым. Революционеры, разоблачив участие охранки в организации лекций, по словам Зубатова, «распугали лекторов»⁶². Изменившиеся обстоятельства вынудили Зубатова привлечь в качестве нового «идеолога» легального рабочего движения известного ренегата Л. Тихомирова, перешедшего еще в 80-х годах из рядов революционного лагеря на позиции защиты самодержавия. Тихомиров предложил свою программу организации рабочих. Рабочий класс, согласно его плану, должен был превратиться в сословие, состоящее из рабочих общин, тесно связанных с церковью, отказаться от борьбы с предпринимателями и занять «твердое место среди существующего строя». В конце концов вся культурно-просветительная деятельность обществ свелась к чтению лекций на духовные темы, посещение их резко сократилось. И сам Зубатов вынужден был пересмотреть свое отношение к стачкам. В письме к «независимцу» Гольдбергу от 23 августа 1902 г. он писал, что стачки — «это зло и несправедливость в отношении других классов»⁶³, что мирные стачки в России невозможны из-за слабости рабочих организаций⁶⁴. Логическим результатом такого изменения курса зубатовской политики было появление на свет следующего любопытного документа за подписью Афанасьева и Слепова: «1903 г., июня 2-го дня, нам нижеподписавшимся, по приказанию г. московского обер-полицмейстера, объявлено, что в случае повторений составления и писания от имени рабочих фабрик и заводов разных жалоб и прошений на имя их хозяев... — всякая наша деятельность по руководству рабочими в г. Москве будет нам воспрещена»⁶⁵. Не случайно уже в начале 1903 г. некоторые предприниматели (Истомин, Ганшин, Прохоров и др.) сделали крупные взносы в кассу общества ткачей и были избраны его почетными членами⁶⁶. Зато число рабочих — членов общества начало быстро таять. Облик и цели зубатовских организаций становились все более обнаженными.

Решающую роль в разоблачении «зубатовщины» сыграла ширившаяся волна пролетарского движения, пропаганда социал-демократов. В. И. Ленин отмечал, что попытки легализации рабочего движения в России исходили не только от сторонников существующего строя, но и от либеральной интеллигенции, а отчасти и от самих рабочих и что среди последних есть последователи этого течения. «И мы не можем отныне не считаться с этим течением, — писал он... Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участие Зубатовых и Васильевых, жандармов и попов в этом течении и разъяснять рабочим истинные намерения этих участников. Мы обязаны разоблачать также всякие примирительные, «гармонические» нотки, которые будут проскальзывать в речах либеральных деятелей на открытых собраниях рабочих»⁶⁷.

Революционное воспитание пролетариата требовало энергичного противодействия политическому развращению рабочих «зубатовщиной». «Искра», как уже отмечалось выше, сразу же вскрыла суть новой тактики властей и обратила внимание социал-демократов на эту опасность, указав пути и методы борьбы с ней. Социал-демократические комитеты повели напряженную борьбу с «полицейским социализмом». Московский комитет РСДРП только в течение первых месяцев 1902 г. выпустил 6 прокламаций, разоблачавших цели охранки. Социал-демократам все чаще удавалось проникать на собрания зубатовцев. В ходе бесед и диспутов они вскрывали полицейско-охранительную суть легальных рабочих

⁶² «Вестник Европы», 1906, № 3, стр. 435.

⁶³ «Красный архив», 1922, т. 1, стр. 309.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ С. Айнизафт. Зубатовщина и гапоновщина. М. 1925, стр. 65.

⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 595, оп. 1, д. 19, л. 6.

⁶⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 115.

организаций, открывая глаза еще заблуждавшимся рабочим. Все это дало результаты. «Рабочие стали относиться к нам недоверчиво,— вспоминал впоследствии Слепов,— называли в глаза «зубатовцами» и «сыщиками»⁶⁸. Когда Зубатов перенес свою деятельность в Петербург, «Искра» сразу же обратила внимание на это. Была опубликована статья В. И. Ленина «Московские зубатовцы в Петербурге». Петербургский комитет РСДРП издал по этому поводу в январе—феврале 1903 г. четыре прокламации.

В других городах зубатовское движение также скоро оказалось на грани банкротства. В результате резкой критики и разоблачений революционерами связей «независимцев» с охранкой прекратили свою деятельность зубатовские организации в Вильно, Гродно и Киеве. Их кризису в значительной мере способствовала и черносотенная политика Плеве, приведшая к еврейским погромам. «Независимая партия» продолжала оставаться на полулегальном положении. Полковник Васильев с конца 1902 г. фактически оказался устраненным от контроля над нею новым губернатором Мусиным-Пушкиным, который отрицательно относился к «зубатовщине». В Минске и Одессе «независимцы», защищаясь от разоблачений революционеров и стремясь сохранить свой авторитет, вынуждены были все более активно принимать участие в стачках. Это вызвало новые нарекания предпринимателей. В июне—июле 1903 г. в Одессе при участии Шаевича произошел ряд забастовок, преследовавших весьма скромные цели. В это же время в ряде крупных южных городов возникли забастовки, переросшие под руководством социал-демократов во всеобщую политическую стачку, охватившую весь юг России. «Независимцы» приложили немало сил, чтобы не допустить перерастания экономической забастовки в политическую. Но усилия их были безрезультатны. Под влиянием растущего революционного движения созданные Зубатовым рабочие организации не могли действовать в тех рамках, которыми их пыталась ограничить полиция. Участие «независимцев» в забастовке послужило для Плеве поводом, чтобы запретить деятельность «Независимой партии». Стачку жестоко подавили. Шаевич был арестован и выслан в Восточную Сибирь⁶⁹.

К этому времени назрел крупный конфликт между Плеве и Зубатовым, возникший на почве различного понимания ими путей борьбы с революционным движением. Разногласия обнаружились еще весной 1902 г., сразу после назначения Плеве министром внутренних дел. Зубатов изложил ему свое понимание вопроса. Однако тот, по словам Зубатова, не только не согласился с предложенным планом, но уверял, что «в России нет общественных сил, а есть только группы и кружки». «Стоит хорошей полиции обнаружить настоящий их центр,— продолжал он,— и заарестовать его, и всю эту видимую общественность как рукой снимет»⁷⁰. К лету 1903 г. конфликт обострился. У Зубатова, как вспоминал А. Лопухин, накопилось много обид на министра «и за двойственность Плеве в отношении его рабочих организаций, и за личное к нему, Зубатову, высокомерное отношение»⁷¹. Одесские события подлили масла в огонь. Зубатов ищет сильных союзников и находит их в лице Витте и редактора проправительственного журнала «Гражданин» князя В. Мещерского, с которыми он повел переговоры о смещении Плеве. Однако последний оказался в курсе этих переговоров, и дело кончилось для Зубатова плачевно. 19 августа 1903 г. Плеве вызвал его

⁶⁸ «Русское дело», 1905, № 33. Подробнее см. И. А. Шмелева. Борьба социал-демократических организаций Москвы с зубатовщиной. «Ученые записки» Шуйского государственного педагогического института. Вып. VIII. 1959.

⁶⁹ Пробыл он там до 11 августа 1904 г., а затем был освобожден Святополк-Мирским.

⁷⁰ «Вестник Европы», 1906, № 3, стр. 432—436.

⁷¹ А. А. Лопухин. Отрывки из воспоминаний. М.—Пгтр. 1923, стр. 71.

для объяснений по делу о «независимцах» и, инкриминировав ему вздорное обвинение в «разглашении государственной тайны», объявил об его увольнении и предложил в 24 часа покинуть Петербург⁷². Некоторое время Зубатов жил в Москве, где пытался поддерживать связи со своей бывшей агентурой. Это послужило поводом для Плеве, чтобы сослать его во Владимир, запретив заниматься какой-либо политической деятельностью. Таков был финал карьеры Зубатова⁷³.

С этого времени сфера деятельности и влияние зубатовских организаций резко сокращаются. Летом 1903 г. прекратило существование потребительское общество рабочих в Москве. А в годовом отчете «Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве» отмечалось, что вместо ожидавшихся 5 тыс. членов к концу года насчитывалось всего 261 человек. К началу 1904 г. в обществе числилось 816 членов, из которых регулярно уплачивали взносы 35 человек⁷⁴.

«Зубатовщина» была обречена. Она не могла удовлетворить ни одну из заинтересованных сторон. Рабочих не удовлетворяли зубатовские «внезаконные» эрзац-профсоюзы с их все более отчетливым стремлением к социальному миру. Промышленники, которых в первую очередь должен был бы устраивать социальный мир в их отношениях с рабочими, не хотели поступиться и частью своих барышей. Их раздражало вмешательство властей в фабрично-заводские отношения. Но еще больше их страшило объединение рабочих, рост их сознательности. В этом вопросе настроение предпринимателей совпадало с опасениями правительства, видевшего врага в лице любой самостоятельной организации. Царизм оказался неспособным использовать «цивилизованные» формы борьбы с рабочим движением.

Развитие революционного движения в стране способствовало росту сознательности пролетариата. Агитационная работа социал-демократов, материалы, печатавшиеся на страницах «Искры», помогали широким массам рабочих осознать свои истинные цели в борьбе с самодержавием, не оставляли места для царистских иллюзий. Революционная борьба в России ширилась и углублялась; остановить или хотя бы задержать этот закономерный исторический процесс не в состоянии были никакие искусственные меры, в том числе и «зубатовщина», несмотря на определенную политическую гибкость и изворотливость, которые проявили ее руководители. Тем не менее попытки насадить проправительственные рабочие организации предпринимались и после удаления Зубатова, что наглядно свидетельствовало о колебаниях царизма перед лицом нараставшего революционного кризиса. Но уже никогда идеи «полицейского социализма» не получали на практике столь широкого воплощения, как это удалось Зубатову. Наиболее крупным рецидивом в этом отношении было гапоновское «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга». Однако и эта затея, как известно, потерпела крах, закончившись событиями 9 января 1905 года. Фраза Трепова, которую он обронил еще в период зарождения «зубатовщины», оказалась пророческой. Правительству пришлось обратиться к штыкам. Вера в царя рухнула, а с ней и все планы создания из рабочих массовой опоры самодержавия.

⁷² «Былое», 1917, № 1(23), стр. 93—99.

⁷³ Впоследствии, после смерти Плеве, он был полностью реабилитирован, но вернуться на службу отказался и продолжал жить во Владимире, получая за свои прошлые труды немалую пенсию. Когда в результате февральских событий 1917 г. царизм рухнул, Зубатов покончил жизнь самоубийством.

⁷⁴ С. Айнзафт. Указ. соч., стр. 67.